

ВВЕДЕНИЕ.

1.

Со времени Сократа однимъ изъ самыхъ сильныхъ и наглядныхъ возраженій противъ возможности философіи служило указаніе на всеобщее разногласіе философвъ между собою. Каждое оригинальное философское ученіе отличается отъ прочихъ, расходится съ ними, противорѣчитъ имъ и само таитъ въ себѣ внутреннія противорѣчія и несовершенства; ни одно не можетъ удовлетворить требованіямъ человѣческаго разума, потому что требованія его безусловны.

Средства для реформы философіи и философской дѣятельности предлагались не разъ и не разъ уже вели къ дѣйствительнымъ переворотамъ въ области мысли. Но они не измѣнили положенія философіи по отношенію къ ея конечному предмету, той Истинѣ, которую она ищетъ: попрежнему философія стремится ее постичь, и попрежнему это стремленіе осуществляется въ различныхъ расходящихся между собою философскихъ ученіяхъ, которыя даютъ удовлетвореніе отдѣльнымъ умамъ, но не могутъ дать полного и точнаго удовлетворенія человѣческой мысли въ ея цѣломъ. А кажется, всѣ возможные способы рѣшенія были ею извѣданы.

Сократъ думалъ, что философія станетъ на правый путь, если она откажется отъ умозрѣнія „о дѣлахъ божественныхъ“, о природѣ вещей, о первыхъ началахъ сущаго; чтобы сдѣлать ее достовѣрною, мы должны отказаться отъ попытки познать то, что превышаетъ нашъ разумъ, и ограничиться познаніемъ „дѣлъ человѣческихъ“, т.-е. нравственной областью. Однако и такое средство не помогло: въ области нравственной философіи все оказалось столь же спорнымъ, какъ и въ области умозрѣнія о природѣ вещей. Уже среди учениковъ Сократа мы находимъ самое рѣшительное разногласіе по вопросамъ о цѣляхъ человѣческаго поведенія, о благѣ, о добрѣ, о добродѣтеляхъ, объ обязанностяхъ человѣка по отношенію къ его ближнимъ и къ обществу.

До сихъ поръ разногласіе это не прекращается, и философы не могутъ столковаться не только относительно общихъ основаній и принциповъ, но и относительно самыхъ опредѣленій права и нравственности: астрономическія явленія, которыя Сократъ причислялъ къ „дѣламъ божественнымъ“, давно

стали предметомъ научнаго знанія, а споръ о томъ, что такое право, что такое нравственность,—ведется и до сихъ поръ.

2.

Чтобы положить конецъ бесплоднымъ спорамъ, предлагалось и болѣе радикальное средство, равносильное отреченію отъ самой философіи: предлагалось безусловное отреченіе отъ умозрѣнія въ пользу точнаго знанія. Неоднократно стремились показать, что человѣческому разуму доступны лишь частныя знанія, достигаемыя путемъ опыта, что разумъ нашъ достовѣренъ лишь въ области опыта или же въ области математики и что онъ теряетъ всякую почву, какъ только онъ выходитъ за предѣлы опыта или за предѣлы математическихъ отношеній. Въ самомъ дѣлѣ, мы познаемъ лишь то, что намъ дано во времени и пространствѣ, то, что намъ является; а все, что является намъ, преломляется въ нашемъ сознающемъ, чувствующемъ субъектѣ; мы видимъ все черезъ призму нашихъ чувствъ и нашего разсудка, а слѣдовательно и не можемъ познавать сущее, какъ оно есть, независимо отъ насъ, отъ нашей относительной точки зрѣнія.

Далѣе, въ нашемъ опытѣ намъ дано лишь частное; и если мы путемъ разумнаго, правильнаго обобщенія и познаемъ нѣкоторые общіе законы тѣхъ частныхъ явленій, которыя мы наблюдаемъ, то все же самыя широкія научныя обобщенія даютъ намъ лишь *частное* знаніе. А философія, какъ бы мы ее ни опредѣляли, стремится къ универсальному, *цѣлостному міропониманію*; умозрѣніе ищетъ конечной системы знанія, объясненія начала и конечной причины нашего бытія. И отсюда-то доказывается невозможность философіи вообще и въ частности — умозрительной философіи: въ каждомъ философскомъ ученіи мы находимъ лишь опредѣленное человѣческое міропониманіе, носящее на себѣ отпечатокъ своего вѣка, той среды, въ которой оно возникло, того индивидуальнаго генія, который его выработалъ; и это человѣческое предствленіе ставится на мѣсто цѣлой всеединой истины, выдается за сущую истину.

3.

Были попытки отказаться отъ философіи въ этомъ смыслѣ и указать предѣлы человѣческаго разума; были попытки отдѣлить точное знаніе отъ умозрѣнія, „научную“ философію отъ „безпочвенной“ метафизики. Но эти попытки такъ же ни къ чему не вели и логически оказывались столь же несостоятельными, столь же спорными, какъ и тѣ системы, противъ которыхъ онѣ были направлены. Фактически ни одно скептическое ученіе, ни одно доказательство невозможности метафизики не останавливало развитія метафизики. Даже наоборотъ, такого рода доказательства служили мощнымъ стимуломъ умозрѣнія, какъ мы видимъ это въ нѣмецкой философіи послѣ Канта. Съ другой стороны, и попытки создать „положительную“ философію, ограничившись одною областью опытнаго знанія, оказались безуспѣшными, и это не только въ виду упорства большинства философовъ, не желавшихъ отказаться отъ умозрѣнія, но также и въ виду того, что самыя границы поло-

жительнаго знанія доселѣ остаются спорными. Область опыта в область точнаго знанія далеко не совпадаютъ. Нравственныя явленія безспорно входятъ въ область нашего опыта, и однако философы-эмпирики, на основаніи фактовъ нравственнаго опыта, строятъ столько же различныхъ системъ нравственной философіи, какъ и метафизики. Правда, эти факты перерабатываются, препарируются психологіей; но вѣдь и психологія претендуетъ быть опытной наукой, изучающей душевныя явленія.

И однако, за исключеніемъ немногихъ положеній, относящихся скорѣе къ физиологіи, нежели къ психологіи, сколько скрытой и грубой безсознательной метафизики преподносится въ наши дни подъ именемъ психологіи! Конечно, это можетъ быть результатомъ случайныхъ ошибокъ, непослѣдовательности, недостаточной строгости въ примѣненіи опытныхъ методовъ. Но чѣмъ же объяснить то обстоятельство, что среди философовъ-эмпириковъ, признающихъ опытъ въ качествѣ единаго источника познанія, принципиальныя разногласія представляются не исключеніемъ, а такимъ же обычнымъ явленіемъ, какъ и среди философовъ другого направленія? Причина этому та, что границы, отдѣляющія опытъ отъ того, что лежитъ за его предѣлами, трудно могутъ быть установлены. Пытаясь ихъ установить, мы ихъ нарушаемъ: мы не можемъ отмежевать своего владѣнія отъ чужой земли, если мы не знаемъ этой чужой земли: иначе намъ не отъ чего отмежевываться. Знаніе наше, говорятъ намъ, ограничено опытомъ и тѣмъ, что мы воспринимаемъ, т.-е. явленіями. Такъ училъ Кантъ. Но самъ онъ поставилъ критическій вопросъ: что такое опытъ и какъ онъ возможенъ? Какъ возможенъ объектъ опыта, явленіе, или какъ возможна та совокупность связанныхъ между собою явленій, которую мы зовемъ природой? Эти вопросы прямымъ путемъ ведутъ насъ въ область метафизики. А между тѣмъ уклониться отъ нихъ нельзя: вѣдь опытъ не есть нѣчто безотносительное, безусловное; вѣдь самъ онъ обусловленъ дѣятельностью нашего сознанія и воздѣйствіемъ внѣшняго намъ „не-я“ на наше сознающее, чувствующее „я“. Опытъ есть отношеніе познающаго къ познаваемому, при чемъ и то и другое существуетъ, очевидно, и *до* такого отношенія. Какъ оно возможно? Что посредствуетъ между познающимъ и познаваемымъ? Каковъ бы ни былъ отвѣтъ, ясно, что самый опытъ *предполагаетъ* какъ указанное соотношеніе, такъ и дѣятельность соотносящихся началъ. *Опытъ предполагаетъ нѣчто, независимое отъ опыта и обуславливающее опытъ.*

Взглянемъ на дѣло съ другой стороны: эмпирики утверждаютъ, что мы познаемъ лишь явленія. Эти явленія связаны между собою отношеніями послѣдовательности и сосуществованія, которыя подчиняются нѣкоторымъ общимъ правиламъ или законамъ. Но сами по себѣ явленія не существуютъ, какъ не существуютъ цвѣта или звуки безъ зрѣнія и слуха, способныхъ воспринять ихъ. Явленіе предполагаетъ, во-первыхъ, нѣчто такое, что является; во-вторыхъ, сознающее, чувствующее существо, которому является это нѣчто, и, въ-третьихъ, отношеніе между ними,—отношеніе между я и не-я, субъектомъ и объектомъ. Явленія сводятся къ отношеніямъ. Но эти отношенія опять-таки предполагаютъ нѣчто ихъ обуславливающее, обосновывающее, ибо

мы не можем мыслить отношеній безъ относящихся. И если міръ явлсній есть безконечно-сложная совокупность реальныхъ отношеній, то онъ предполагаетъ, во-первыхъ, совокупность всѣхъ реальныхъ соотносящихся началъ, а во-вторыхъ, и нѣкоторое общее связывающее начало, основаніе всѣхъ отношеній, обосновывающее міръ явленій. Но это опять-таки общая схема цѣлаго метафизическаго міросозерцанія, все равно какъ бы мы ни понимали тѣ элементы, или начала, которые обусловливаютъ міръ явленій. И такимъ образомъ самое понятіе *явленія* выводитъ насъ за предѣлы явленія, точно такъ же, какъ понятіе опыта выводитъ насъ за предѣлы опыта.

4.

Основная проблема гносеологіи (теоріи познанія)—вопросъ о возможности познанія—допускаетъ положительное или отрицательное рѣшеніе, но въ обоихъ случаяхъ съ каждымъ даннымъ рѣшеніемъ связана своего рода метафизика, своего рода общее, чисто-умозрительное представленіе о природѣ нашего разума, объ отношеніи этого разума къ сущему, наконецъ, даже о природѣ самого этого сущаго, о природѣ вещей. Представимъ себѣ, наприимѣръ, чисто-отрицательное рѣшеніе, повидимому, безусловно устраниющее всякую метафизику: мы ничего не можемъ знать о сущемъ, о вещахъ, какъ онѣ существуютъ сами по себѣ безъ отношенія къ нашему сознанію, такъ какъ наше познающее „я“ безусловно ограничено субъективными состояніями своего сознанія и не можетъ переходить его границы. Спрашивается однако: откуда мы это знаемъ? Изъ опыта? Нѣтъ, потому что опытъ, повидимому, убѣждаетъ въ существованіи независимой отъ насъ вселенной; какъ сознательное отношеніе нашего „я“ къ чему-то „другому“, какъ *воспріятіе* этого другого, онъ предполагаетъ реальность этого другого, предшествующую опыту и независимую отъ нашего сознанія. А слѣдовательно ученіе о томъ, что познаніе наше субъективно, что оно ограничено лишь внутренними состояніями субъекта, его представленіями или ощущеніями,—есть результатъ не опыта, а умозрѣнія объ опытѣ или о природѣ нашего сознанія. Да и всякая иная теорія опыта, изслѣдуя вопросъ объ его общихъ условіяхъ, о томъ, что обосновываетъ опытъ, естественно выходитъ за его предѣлы и неизбежно ведетъ къ выводамъ метафизическаго характера. Ученіе о неизбежной субъективности нашего познанія, о невозможности познавать какія бы то ни было вещи или отношенія, что бы то ни было внѣ нашего субъективнаго сознанія—не составляетъ исключенія. Это ученіе заставляетъ насъ признать всю окружающую, познаваемую нами дѣйствительность нашимъ представленіемъ (*die Welt als Vorstellung*, „міръ какъ представленіе“ Шопенгауэра) и ведетъ насъ къ феноменизму или къ чистому *иллюзионизму*. Другіе, исходя изъ того же ученія, признавали внѣ явленія какую-то неизвѣстную „вещь въ себѣ“ (или вещи въ себѣ) безъ всякаго отношенія къ нашему разуму и къ познаваемой дѣйствительности и постольку абсолютно непознаваемую. Какъ бы ни казались отрицательны такіе выводы, они все же имѣютъ характеръ метафизическихъ положеній. Признаемъ ли мы реальное существованіе внѣ

нашего сознания или отрицаемъ его, утверждаемъ ли мы, что есть только явленія, или же допускаемъ на ряду съ ними и абсолютно отличныя отъ нихъ „вещи въ себѣ“, хотя бы и „непознаваемые“,—все это воззрѣнія, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ онтологіи, къ метафизикѣ, и которыя, такъ или иначе, связаны съ цѣлымъ міровоззрѣніемъ.

5.

И вотъ почему мыслители, которые со времени Бэкона стремятся создать эмпирическую или опытную философію, не могутъ успѣть въ своемъ предпріятіи и придти къ согласному результату. Вотъ почему разногласія, раздѣляющія ихъ въ области теоретической и практической философіи, суть тѣ же, какія существуютъ и среди метафизиковъ: различные оттѣнки матеріализма и антиматеріализма, идеализма и реализма, монизма и дуализма встрѣчаются и здѣсь, и сквозь прорѣхи „эмпирической“ психологіи сквозитъ догматическая метафизика. Это сознается и многими изъ современныхъ сторонниковъ эмпиризма, которые направляютъ всѣ свои усилія на его возможное очищеніе отъ всякихъ метафизическихъ элементовъ и полагаютъ своею цѣлью окончательную *стерилизацію* эмпиризма, путемъ критическаго выдѣленія „чистаго“ опыта. Но такая цѣль является ложной и призрачной, поскольку „чистый“ опытъ есть лабораторный продуктъ, существующій лишь въ головахъ теоретиковъ. Въ дѣйствительности опытъ есть сложный продуктъ дѣятельности различныхъ нашихъ познавательныхъ способностей, и въ этой дѣятельности нашъ познающій разумъ выходитъ за предѣлы того, что непосредственно дано ему въ чувственномъ ощущеніи, въ субъективныхъ состояніяхъ сознания,—поскольку онъ отличаетъ отъ своего „я“ какъ эти отдѣльныя состоянія, такъ и реальные внѣшніе предметы, которые онъ воспринимаетъ объективно въ ихъ необходимой связи съ другими реальными предметами, также отличными отъ этого „я“. Опытъ обусловленъ *самодѣятельностью* нашего разума, который въ самомъ опытѣ выходитъ за предѣлы того, что непосредственно *испытывается* нами въ нашихъ ощущеніяхъ, въ состояніяхъ нашего сознания.

6.

Нашъ разумъ — прирожденный метафизикъ, и онъ не можетъ ограничиться одними явленіями, какъ онъ не можетъ мыслить отношеній безъ относящихся или обусловленнаго безъ обуславливающаго. И не простое безотчетное стремленіе заставляетъ его искать абсолютнаго и безусловнаго надъ всѣмъ относительнымъ и обусловленнымъ, стремиться осмыслить всѣ частныя знанія, понять ихъ общую связь. Ибо если всѣ дѣйствительныя знанія наши частны и ограничены, то самъ разумъ-то нашъ въ своей мыслительной логической способности, *in potentia* — не ограниченъ: уже Сократъ, столь настойчиво указывавшій на ограниченность человѣческаго знанія, впервые раскрылъ *формальную логическую универсальность* понятій нашего разума, а слѣдова-

тельно и самого разума. Наши понятія универсальны по своей логической формѣ, поскольку они относятся не къ единичному, а къ общему, — къ общимъ родовымъ и видовымъ признакамъ: таковы понятія чловѣкъ, животное, треугольникъ и т. д. Въ опытѣ мы имѣемъ дѣло съ частными случаями, единичными предметами и единичными воспріятіями; но мы познаемъ и мыслимъ посредствомъ понятій, содержаніе которыхъ составляютъ *общіе* признаки (*τά καθόλου*). Уже одинъ этотъ фактъ издавна составлялъ камень преткновенія для эмпириковъ и сенсуалистовъ, которые искали источникъ познанія въ нашихъ единичныхъ чувственныхъ впечатлѣніяхъ. И они пытались упразднить этотъ фактъ посредствомъ такъ называемой *номиналистической* теоріи: въ дѣйствительности, разсуждаютъ они, нѣтъ никакихъ общихъ началъ, — есть только единичные чувственные предметы и единичныя состоянія сознанія, а потому нашимъ общимъ понятіямъ не соотвѣтствуетъ ничего кромѣ *словъ*: понятія суть слова или имена (*nomina*), которыми мы пользуемся какъ искусственными знаками для обозначенія неопредѣленнаго множества схожихъ предметовъ. Но, во-первыхъ, изъ опыта отнюдь нельзя доказать, чтобы міръ состоялъ изъ единичныхъ элементовъ, не объединенныхъ никакими общими началами, отношеніями и свойствами, или чтобы сознаніе наше состояло изъ ощущеній или единичныхъ состояній: *наблюденіе показываетъ какъ разъ обратное*. Во-вторыхъ, самая способность слова предполагаетъ разумъ, котораго нѣтъ у бессловесныхъ. Способность создавать общіе знаки (*слова*) и пользоваться ими для обозначенія предметовъ, обладающихъ опредѣленнымъ сходствомъ,—предполагаетъ способность различенія, опредѣленія и отвлеченія общихъ признаковъ; а въ этомъ-то и состоитъ пониманіе, или понятіе. Въ-третьихъ, наконецъ, способность слова, какъ средство общенія умовъ, показываетъ объективность разума, объективную универсальность мысли, независимую отъ границъ субъективнаго индивидуальнаго сознанія.

Итакъ, пусть настоящее содержаніе нашего сознанія, какъ и содержаніе отдѣльныхъ нашихъ представленій и понятій всегда ограничено. Но точно такъ же, какъ понятія наши универсальны, или „каеоличны“, по своей логической формѣ, такъ и разумъ нашъ по своей логической, мыслительной способности универсаленъ, т.-е. можетъ мыслить все возможное, не ограничиваясь даннымъ наличнымъ содержаніемъ нашего сознанія. И въ своей дѣятельности онъ стремится осуществить эту свою возможность, объективно понять и выразить *всю* безусловную, всеобъемлющую и всеобосновывающую истину, познать сущее въ его всеединствѣ. Осуществимъ ли такой идеаль или вѣтъ, онъ несомнѣнно присущъ чловѣческому разуму. Это доказываетъ намъ исторія этого разума и разсмотрѣніе его природы. Это допускаютъ и тѣ, кто, какъ Кантъ, признаютъ идеаль разума неосуществимымъ во времени. Если природа нашего разума полагаетъ ему границы въ его познаніи, то она же заставляетъ его вѣчно стремиться къ истинѣ внѣ этихъ границъ; и отказаться отъ такого стремленія значило бы отречься не отъ субъективной личной мечты, а отъ подлиннаго идеала разума, органически свойственнаго ему по самой его природѣ.

7.

Но въ такомъ случаѣ, если стремленіе къ познанію безусловной истины коренится въ самомъ существѣ нашего познающаго духа, если философія необходима, если умозрѣніе неизбежно, то почему оно не можетъ достигнуть своей цѣли, почему философія не можетъ быть единой, какъ сама истина, единой хотя бы въ томъ смыслѣ, въ какомъ можно признать единство научнаго знанія? Почему философія, въ отличіе отъ науки, вѣчно распадается на множество противорѣчащихъ другъ другу ученій, и въ чемъ смыслъ этого противорѣчія? Могучее неистребимое влеченіе движетъ нашъ разумъ къ идеальной цѣли, и движеніе это неизбежно останавливается и дробится невидимымъ, роковымъ препятствіемъ, — борьба, столь художественно изображенная Тютчевымъ въ его стихотвореніи:

Смотри, какъ облакомъ живымъ
Фонтанъ сіяющій глубится,
Какъ пламенѣть, какъ дробится
Его на солнцѣ влажный дымъ.
Лучомъ поднявшись къ небу, онъ
Коснулся высоты завѣтной
И снова пылью огнецвѣтной
Ниспастъ на землю осужденъ.
О смертной мысли водометъ,
О водометъ нестоищій!
Какой законъ непостижимый
Тебя стремить, тебя мятеть?
Какъ жадно къ небу рвешься ты!
Но длань незримо-роковая,
Твой лучъ упорный преломляя,
Свергаетъ въ брызгахъ съ высоты.

Что же значитъ это стремленіе къ недостижимой цѣли, этотъ идеаль Истины, идеаль абсолютнаго, отъ котораго нашъ разумъ не можетъ отказаться и котораго онъ никогда не можетъ достичь? Таковъ жребій человеческой мысли. Но неужели же въ самомъ возвышенномъ и глубокомъ изъ своихъ стремленій она оказывается неразумной и осужденной на неразуміе?

8.

Сознаніе идеала дано человѣку, и въ этомъ сознаніи — та сила, которая окрыляетъ его мысль, поднимаетъ ее ввысь; но это же сознаніе указываетъ ему все различіе идеала отъ того, чѣмъ онъ въ дѣйствительности обладаетъ. Пока онъ видитъ это различіе, онъ не теряетъ сознанія идеала и продолжаетъ къ нему стремиться. Но тамъ, гдѣ сознаніе различія теряется, гдѣ люди принимаютъ за самый идеаль тѣ отраженія его, какія они находятъ въ собственномъ духѣ, въ собственной своей мысли, тамъ теряется и сознаніе идеала. Его мѣсто занимаютъ эти многообразныя обманчивыя отраженія, различныя въ различныхъ умахъ, и то, что было *образомъ истины*, становится обманчивымъ призракомъ. Здѣсь останавливается и стремленіе

высь, къ идеалу: тамъ, гдѣ „смертная мысль“ мнитъ себя въ обладаніи имъ, гдѣ она себя съ нимъ отождествляетъ, тамъ именно она и „свергается въ брызгахъ“ съ своей воображаемой высоты.

Философія, по точному смыслу этого слова, не есть „премудрость“, т.-е. идеальное, совершенное вѣдѣніе, а только „любовь къ мудрости“. И самое цѣнное, что есть въ философіи, это именно сама философія—высшее, жизненное, идеальное влеченіе нашего познающаго духа къ Истинѣ, стремленіе „войти въ разумъ Истины“, какъ выражался Вл. Соловьевъ. Такое стремленіе не можетъ быть безплоднымъ, ибо вызвано самымъ образомъ этой универсальной Истины, который внутренно присущъ нашему разуму, какъ идеаль, направляющій его познавательную дѣятельность. Пусть „смертной мысли водометъ“ не достигаетъ неба—въ каждой каплѣ его отражается солнце, играютъ и преломляются небесные лучи. Въ каждомъ истинно-философскомъ ученіи при всѣхъ его временныхъ особенностяхъ отражается тотъ или другой образъ Истины; и въ многогранной призмѣ человѣческаго разума ея свѣтъ преломляется и разлагается на множество лучей. Но философія не удовлетворяется отдѣльными лучами, она ищетъ цѣлаго, даже тамъ, гдѣ принимаетъ за цѣлое частное отраженіе. И это стремленіе къ цѣлому есть жизненный нервъ философіи, источникъ ея творческихъ замысловъ, ея вѣры и вмѣстѣ ея скептицизма, ея постояннаго сомнѣнія, постоянной критики всего достигнутаго. Вдохновляемая этимъ стремленіемъ, истинная философія показываетъ намъ относительность, ограниченность нашихъ дѣйствительныхъ знаній и вмѣстѣ объединяетъ ихъ, осмысливаетъ ихъ самою идеей цѣлаго. Ея сила сказывается и въ умозрительномъ творествѣ, посредствомъ котораго она созидаетъ образы всеединой Истины; и она сказывается въ сомнѣніи, въ критикѣ, въ самомъ отрицаніи лжи, или неполной истины, выдающей себя за цѣлое. Это влеченіе къ Истинѣ, составляющее самую суть философіи, опредѣляетъ собою ея значеніе не только въ развитіи человѣческихъ знаній, но и въ развитіи человѣческаго духа вообще: философія, будучи идеальной образующей силой, является вмѣстѣ съ тѣмъ величайшей освобождающей силой человѣчества, снимающей съ него оковы духовнаго рабства, указывающей ему путь истинной свободы.

9.

Этимъ опредѣляется значеніе философіи и вмѣстѣ—задачи ея изученія. Ясно, что мы должны изучать ее въ ея дѣйствительности, въ ея исторіи. Мы должны учиться понимать ее въ ея созиданіи и разрушеніи, во всемъ томъ, что было сдѣлано ею, порождено ею—въ смѣломъ полетѣ умозрѣнія, въ творческомъ синтезѣ человѣческихъ знаній, въ анализѣ познавательныхъ процессовъ и нравственныхъ явленій, въ критикѣ, въ сомнѣніи, въ самомъ отрицаніи. Въ такомъ изученіи мы найдемъ отвѣтъ и на тотъ вопросъ, который ставится намъ различіями и противорѣчіями отдѣльныхъ ученій: эти различія и противорѣчія отдѣльныхъ философій свидѣтельствуютъ объ истинности самой философіи въ нихъ, о ея неподдѣльности и правдивости. Изу-

чая ихъ, мы убѣждаемся въ томъ, что эти различія и противорѣчія не случайны и не сводятся къ простымъ особенностямъ умственного склада отдѣльныхъ мыслителей, но что они коренятся въ самой природѣ человѣческаго разума, въ его отношеніи къ конечному предмету его познанія. Существуютъ нѣкоторыя общія формы міропониманія, общія идеи, которыя переходятъ изъ вѣка въ вѣкъ, общія противоположности, которыя ведутъ къ міровымъ спорамъ: идеализмъ и реализмъ, матеріализмъ и спиритуализмъ, дуализмъ и монизмъ, эмпиризмъ и рационализмъ, скептицизмъ, чтобы не называть другихъ. Все это такія категоріи, такія основныя направленія философскаго разума, которыя существуютъ издавна; есть также отдѣльныя ступени или формы развитія такихъ направленій, которыя имѣютъ общее, классическое значеніе, напр., картезианство, платонизмъ. При всей недостаточности отдѣльныхъ изъ этихъ формъ, при всей односторонности отдѣльныхъ направленій, они явно имѣютъ объективныя основанія, поскольку они съ тѣми или другими измѣненіями сохраняютъ пребывающее значеніе въ смѣнѣхъ временъ, несмотря на развитіе мысли и знаній. И потому задача научнаго изученія философіи состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы понять объективныя основанія, внутреннюю необходимость этихъ формъ и направленій. А для этого еще не достаточно понять ту заключающуюся въ нихъ „крупницу Истины“, которая, какъ говорятъ, содержится и во всякомъ человѣческомъ заблужденіи: надо понять *философію* этихъ философій, ихъ дѣйствительное, жизненное отношеніе къ Истинѣ. Надо разсматривать ихъ не съ точки зрѣнія того или другого ученія, признаваемого нами за истинное, а стремиться къ пониманію возможно болѣе объективному, имманентному, стараясь понять, какимъ образомъ тѣ или другіе философы видѣли образъ сущей и всеединой Истины въ своихъ концепціяхъ.

10.

Такое изученіе философіи имѣетъ величайшій интересъ и для исторіи человѣческаго духа и, прежде всего, для самой философіи, показывая необходимость всеобъемлющаго философскаго синтеза и вмѣстѣ подготавливая критически такой синтезъ. Въ этомъ смыслѣ научное изученіе философіи можетъ считаться однимъ изъ величайшихъ философскихъ пріобрѣтеній истекшаго столѣтія.

Систематически изучая своихъ предшественниковъ, Аристотель построилъ свою метафизику, которая представляетъ сводъ конечныхъ проблемъ греческаго умозрѣнія,—проблемъ, не вымышленныхъ Аристотелемъ, а заданныхъ всей предшествовавшей исторіей мысли. Онъ стремится обобщить, обработать ихъ, но прежде всего—понять ихъ объективно. И если онъ не даетъ конечнаго ихъ рѣшенія, то все же онъ выясняетъ ихъ объективно, на основаніи тщательнаго анализа предшествовавшихъ ученій во всемъ ихъ различіи и взаимномъ разногласіи. И первымъ условіемъ научной разработки метафизики является тщательное объективное изученіе ея дѣйствительныхъ проблемъ въ ихъ происхожденіи и развитіи, при чемъ, конечно, современной мысли приходится строить на несравненно болѣе широкомъ основаніи, считаться съ но-

выми и болѣе сложными проблемами, углубленными критической разработкой. Если исторія философіи есть наука, описывающая и объясняющая конкретное возникновеніе и развитіе философскихъ идей, то элементарная метафизика есть *отвлеченная идеологія* (ученіе объ идеяхъ), какъ наука, дающая систематическій анализъ основныхъ идей о Сущемъ, основныхъ, наиболѣе общихъ и необходимыхъ способовъ его пониманія. При этомъ, теперь, какъ и во времена Аристотеля, исторія философіи даетъ метафизикѣ матеріаль для ея анализа, съ тою разницей, что въ наши дни этотъ матеріаль не только безконечно обильнѣе, но и несравненно болѣе тщательно разработанъ. Въ теченіе своего многовѣкового развитія, въ великомъ разнообразіи философскихъ ученій человѣческая мысль дала множество выраженій для нѣкоторыхъ основныхъ, изъ вѣка въ вѣкъ повторяющихся способовъ или формъ пониманія истины. И хотя отдѣльныхъ ученій и міросозерцаній существуетъ величайшее множество, при чемъ ихъ индивидуальныя различія нерѣдко имѣютъ большое внутреннее значеніе, они, тѣмъ не менѣе, допускаютъ извѣстную классификацію по тѣмъ или другимъ общимъ признакамъ: ибо наиболѣе общія основныя понятія о Сущемъ, которымъ соотвѣтствуютъ общія философскія концепціи, могутъ быть сведены къ сравнительно весьма немногимъ идеямъ, предположеннымъ въ самыхъ основныхъ отношеніяхъ нашего разума къ познаваемому, *въ самой объективной логикѣ чистаго разума*.

Мы можемъ, подобно Гегелю, пытаться строить такую логику чисто діалектически, путемъ дедукціи ея основныхъ категорій или наиболѣе общихъ умственныхъ формъ; но такая отвлеченная система во всякомъ случаѣ нуждается въ провѣркѣ. А потому прежде чѣмъ ее строить и хотя бы для того, чтобы ее строить правильно, мы должны разсмотрѣть всѣ тѣ различныя способы, какими человѣческая мысль въ теченіе своего развитія опредѣляетъ свое отношеніе къ Сущему. Мы должны не выдумывать свою собственную субъективную метафизику, а изучать ее вмѣстѣ съ философіей, изучать тѣ объективныя метафизическія проблемы, которыя ставились человѣческому разуму, и тѣ способы, какими онъ ихъ рѣшалъ.

Нерѣдко приходится слышать жалобы на „историцизмъ“, опасенія за то, чтобъ оригинальность личной философской мысли не пострадала отъ такого рода историческаго изученія. Но философія ищетъ истины, а не оригинальности. *Самостоятельность* философскаго творчества опредѣляется не субъективнымъ произволомъ, не отсутствіемъ правильнаго образованія и положительныхъ знаній, а глубиною, искренностью, неподкупностью философскаго интереса и широтою замысла.

11.

Научное изученіе философіи тѣсно связано съ общимъ развитіемъ историческихъ и филологическихъ знаній, но на степень самостоятельной философской дисциплины оно было впервые возведено *Гегелемъ*. Этотъ мыслитель впервые попытался оправдать исторію философіи передъ судомъ самой философской мысли и понять эту исторію, какъ процессъ цѣлостнаго и логически послѣдовательнаго развитія, всѣ моменты котораго въ самыхъ своихъ взаим-

ныхъ различіяхъ и противорѣчій представляются разумными и необходимыми въ своемъ соотношеніи, въ цѣломъ. Въ своей „Логикѣ“ Гегель пытается вывести а priori изъ чистой мысли совокупность наиболѣе общихъ понятій или „категорій“, посредствомъ которыхъ мы мыслимъ и познаемъ все существующее, при чемъ онъ показываетъ, что всѣ эти категоріи составляютъ одно логически связанное цѣлое: мы не можемъ взять одну изъ нихъ, какъ нѣчто безотносительно данное, абсолютное, отвлеченно отъ прочихъ, безъ того, чтобъ она не ускользнула изъ нашихъ рукъ, разложившись во внутреннемъ противорѣчьи, перейдя въ собственное отрицаніе. Когда мы останавливаемся на одной какой-либо категоріи, на одномъ какомъ-либо отвлеченномъ опредѣленіи сущаго, напр., бытія, генезиса, субстанціи, единства, множества и т. д., и утверждаемъ его въ его отвлеченности независимо отъ другихъ идей, логически съ нимъ связанныхъ, такое опредѣленіе, въ силу внутренней логики самой мысли, неизбѣжно разлагается, переходитъ въ свою противоположность. Эта послѣдняя имѣетъ такую же судьбу: мысль посредствомъ отрицанія переходитъ къ третьему высшему опредѣленію, заключающему въ себѣ синтезъ перваго опредѣленія съ его противоположнымъ. Такъ, отъ опредѣленія къ опредѣленію, отъ одной отвлеченной категоріи къ другой строится вся совокупность, вся система чистыхъ понятій „Логики“ Гегеля въ ея послѣдовательности. И вся исторія философіи объясняется съ точки зрѣнія этой „Логики“: человѣческая мысль въ своемъ цѣломъ совершаетъ тотъ же кругъ развитія, точно такъ же необходимо переходитъ отъ одной отвлеченной концепціи къ другой, какъ и при априорномъ построеніи „Системы логики“. И какъ въ этой послѣдней необходимы и логичны діалектическіе переходы отъ одной противоположности къ другой, такъ точно необходимы они и въ цѣломъ человѣческой мысли, которая не можетъ ограничиться тою или другою частною отвлеченною идеей или концепціей истины. Въ борьбѣ философскихъ ученій, въ ихъ противорѣчій, ихъ преемственной смѣнѣ называется логическое законѣрное движеніе, которое имѣетъ свою конечную цѣлью *самосознаніе чистаго разума*: выраженіемъ такого самосознанія и была для Гегеля его собственная система.

„Я утверждаю,—говоритъ Гегель въ своей „Исторіи философіи“ (I, 43),— что порядокъ послѣдовательности системъ философіи въ исторіи есть тотъ же, что въ отвлеченной дедукціи логическихъ опредѣленій Идеи (бытіе, генезисъ, существованіе, для себя бытіе, количество, мѣра, сущность и явленіе, субстанція, причинность, взаимодѣйствіе, цѣль). Я утверждаю, что, если мы обнажимъ основныя понятія появившихся въ исторіи философіи системъ отъ особенностей, касающихся ихъ внѣшняго строенія, то получатся послѣдовательныя ступени опредѣленія самой Идеи въ ея логическомъ понятіи. И, наоборотъ,—процессъ логическаго развитія, взятый самъ по себѣ, представляетъ, по своимъ основнымъ моментамъ, послѣдовательность историческихъ явленій. Однако совершенно невозможно сводить каждую философскую систему къ какому-либо одному основному логическому понятію“—существенная оговорка, которая оправдываетъ фактическое отсутствіе параллелизма между исторіей и „Логикой“ Гегеля.

Здѣсь не мѣсто вступать въ критическую оцѣнку достоинствъ и недостатковъ этого ученія, былая слава котораго можетъ сравниться развѣ съ тѣмъ почти всеобщимъ забвеніемъ и непониманіемъ, которому оно подвергается въ наши дни. „Панлогизмъ“ Гегеля—его ученіе объ абсолютномъ тождествѣ мышленія и бытія, его отождествленіе сущей истины съ тою логическою мыслью, которою оно опредѣляется—страдаетъ крайнею отвлеченностью. Гегель прекрасно раскрылъ ложную отвлеченность всѣхъ частныхъ опредѣлений или концепцій, которыя утверждаются какъ нѣчто абсолютное, безотносительное, самодовлѣющее; но и его собственная концепція, его всеобъемлющая „идея всѣхъ идей“ или „понятіе всѣхъ понятій“, есть точно такая же ложная отвлеченность, которую ждала судьба всѣхъ подобныхъ отвлеченностей—діалектическое разложеніе. Этотъ общій недостатокъ ученія Гегеля отразился и на его пониманіи философіи вообще, и на его истолкованіи ея исторіи, которое также оказалось недостаточнымъ по своей отвлеченности, несмотря на замѣчательный даръ историческаго пониманія, отличавшій великаго нѣмецкаго мыслителя.

Гегель видѣлъ въ своей системѣ конечное завершеніе всей философіи и потому считалъ возможнымъ познать исторію философіи какъ одинъ цѣлостный и законченный логическій процессъ, построить ее такъ же, какъ онъ строилъ свою систему изъ чистаго разума, хотя система эта отправляется отъ отвлеченнѣйшаго чистаго понятія, а философская мысль начинала съ конкретнаго и матеріальнаго,—съ физическаго міра. Но мы знаемъ, что Гегелемъ философія не кончилась, что процессъ ея развитія не законченъ и едва ли можетъ быть законченъ въ опредѣленный историческій моментъ; и тѣмъ не менѣе *идеалъ* конечнаго синтеза, который не долженъ быть отождествляемъ съ какой-либо готовой, наличной системой, идеалъ, къ которому отъ начала стремится философія, заставляеть ея историка *мыслить* ея развитіе, какъ осмысленное, цѣлесообразное и постольку цѣлостное во всемъ его богатствѣ и многообразіи отдѣльныхъ ученій и стараться понять историческую и логическую необходимость, связь и осмысленную разумность отдѣльныхъ моментовъ этого развитія. *Это* осталось и останется отъ Гегеля.

Исторія философіи не есть процессъ діалектическаго развитія отвлеченной мысли и не опредѣляется однимъ движеніемъ чистыхъ понятій; въ ней развивается конкретный разумъ человѣчества, въ совокупности своихъ познавательныхъ функцій и въ творческой дѣятельности отдѣльныхъ индивидуальныхъ умовъ. И отдѣльныя философскія ученія несомнѣнно представляютъ собою нѣчто несравненно болѣе конкретное, нежели развитіе той или другой отвлеченной категоріи. Если въ нихъ и получаетъ преимущественное или хотя бы исключительное развитіе какое-либо частное опредѣленіе, частный моментъ, то все же каждое изъ нихъ въ самой односторонности своей стремится къ цѣлостному пониманію Истины и по-своему выражаетъ тотъ или другой мысленный образъ ея, или *идею Истины*, то или другое *философское* отношеніе къ ней разума. И при изученіи отдѣльныхъ системъ или ученій мы должны прежде всего стремиться понять въ нихъ именно то, что въ нихъ всего дороже для самихъ ихъ создателей, ихъ философію, *ихъ образъ Истины*. Но

этого мало: процессъ развитія философской мысли тѣсно связанъ съ общимъ процессомъ историческаго культурнаго развитія, при чемъ онъ нерѣдко задерживается въ зависимости отъ историческихъ условій, испытываетъ уклоненія, благодаря имъ. Отдѣльныя ученія поэтому, несмотря на дѣйствительную, иногда глубокую философію, въ нихъ заключающуюся, суть все же *историческіе* моменты познанаія Истины и не могутъ разсматриваться какъ чисто логическіе моменты въ движеніи какой-то безличной мысли. Напротивъ того, они имѣютъ индивидуальный характеръ, и при ихъ объясненіи историкъ приходится считаться со всѣми условіями мѣста и времени и съ личностью ихъ творца—и это даже тамъ, гдѣ такія ученія получаютъ общее, классическое значеніе, выражая собою общечеловѣческія формы міросозерпанія. Наконецъ, противъ отвлеченно-діалектическаго способа истолкованія исторіи философіи слѣдуетъ указать на тѣсную зависимость философской мысли отъ степени развитія научныхъ знаній и духовной культуры—нравственнаго и религіознаго сознанія. Ибо въ своемъ стремленіи къ объединенію человѣческихъ знаній и къ цѣлостному міропониманію философія должна такъ или иначе считаться и съ наукою, и съ религіей, и съ результатами научнаго знанія, и съ фактами нравственнаго сознанія. Нѣкогда философія обнимала въ себѣ науку, и теперь, когда наука эмансипировалась отъ философіи, никто не станетъ отрицать ихъ тѣсной связи и взаимодѣйствія, которое всегда будетъ существовать между ними. Правда, и въ наукѣ можно прослѣдить эволюцію философскихъ идей, но наука имѣетъ свои точные методы познанія явленій, отличные отъ умозрѣнія¹⁾. Вліяніе философскихъ идей могущественно сказывается и въ религіозныхъ ученіяхъ—въ области богословія. Однако не философія опредѣляетъ собою живое конкретное содержаніе религіознаго сознанія, а наоборотъ, это послѣднее подчиняетъ себѣ и философскіе элементы богословія. Все это однако нисколько не упраздняетъ значенія чисто-философскаго изслѣдованія идей или понятій, лежащихъ въ основаніи отдѣльныхъ системъ, въ ихъ діалектикѣ—въ ихъ логическомъ развитіи, ихъ внутреннемъ соотношеніи. Но это заставляетъ насъ требовать историческаго изученія философіи и не допускать апріорнаго построенія ея исторіи.

12.

Философію слѣдуетъ изучать исторически, въ связи съ общей культурой; каждое отдѣльное ученіе должно быть понято въ своемъ отношеніи къ другимъ ученіямъ ему современнымъ, предшествующимъ и послѣдующимъ, къ умственнымъ и нравственнымъ теченіямъ вѣка, къ общему міросозерпанію эпохи. Но за такимъ историческимъ изученіемъ стоитъ вполне законный философскій интересъ, безъ котораго самое историческое знаніе было бы существенно неполнымъ и неосмысленнымъ, не объясняя намъ самыхъ глубокихъ разумныхъ основаній отдѣльныхъ ученій и развертывая передъ нами лишь пеструю вереницу разнообразныхъ, противорѣчивыхъ и причудливыхъ построе-

---

¹⁾ См. превосходную статью В. И. Вернадскаго о научномъ міросозерпаніи въ „Вопросахъ Философіи“ 1903.

ній. Понять смыслъ ихъ различій, оправдать философію въ самыхъ этихъ различіяхъ—такова задача научнаго и философскаго изученія исторіи чело-вѣческой мысли. И поэтому, если при первомъ взглядѣ на исторію филосо-фіи намъ кажется, что различія и противорѣчія системъ или ученій свидѣ-тельствуютъ противъ возможности философіи, и ближайшимъ образомъ противъ возможности философіи умозрительной или метафизики, то научное изученіе, объясняя намъ необходимость такихъ различій и вмѣстѣ ихъ разумныя осно-ванія, показываетъ намъ и необходимость и разумность умозрительной фило-софіи, доказываетъ возможность и необходимость систематической идеологіи или науки идей.

Такимъ образомъ исторія философіи служитъ оправданіемъ философіи. Но, помимо теоретическихъ возраженій, противъ философіи вообще и про-тивъ философіи умозрительной въ особенности нерѣдко выставляются возра-женія практическія—указываютъ на бесполезность, бесплодность умозрѣнія, этой сухой смоковницы евангельской, этой *virgo Deo consecrata*, дѣвы, по-священной Богу и обреченной на вѣчное безплодіе, какъ называетъ Бэконъ метафизику.

Утилитарныя возраженія противъ чистаго знанія могутъ казаться низ-менными: оно представляетъ собою прежде всего не *полезность*, а *цѣнность*. Но вопросъ о практическомъ значеніи философіи въ высшемъ и общемъ смыслѣ есть, тѣмъ не менѣе, важный и законный вопросъ. Пусть чистая философія не представляетъ никакой непосредственной полезности въ виду какихъ-либо вѣдѣнныхъ цѣлей: развѣ это не доказываетъ, что она является цѣнною сама по себѣ, какъ это указывалъ уже Аристотель? Если она не служитъ сред-ствомъ для прикладныхъ цѣлей, то не полагаетъ ли она сама высшія и об-щія цѣли челоуѣческому разуму, ставя передъ нимъ идеаль цѣлостнаго зна-нія? Пусть она является наукой *идеальной*,—именно поэтому практическое, направляющее дѣйствіе ея было такъ велико и сказывалось не только въ области знанія, въ области всѣхъ прочихъ реальныхъ наукъ, но и во всѣхъ тѣхъ областяхъ челоуѣческаго дѣйствія, которыя опредѣляются идеями, прин-ципами, общими разумными началами. И этому опять-таки учитъ исторія философіи.

Если уже простое разсужденіе осуждаетъ насъ въ томъ, что, при тене-решнемъ дробленіи и спеціализаціи научныхъ дисциплинъ, каждый ученый, желающій осмысленно разрабатывать какую-либо отдѣльную отрасль науки, долженъ сознавать то мѣсто, какое она занимаетъ въ совокупности чело-вѣческихъ знаній, ту высшую цѣль, которой она служитъ, то исторія фило-софіи показываетъ намъ, какимъ образомъ философія служила въ дѣйстви-тельности осмысленному объединенію челоуѣческихъ знаній, вырабатывала общія направляющіе и методологическіе принципы, ставя передъ разумомъ челоуѣческимъ требованіе цѣлостнаго міропониманія, безъ котораго невоз-можно и правильное, разумное разрѣшеніе высшихъ практическихъ и нрав-ственныхъ задачъ.

Но этого мало. Дѣйствіе философіи не ограничивалось одною теорети-ческою областью. Исторія показываетъ намъ ее въ качествѣ великой и мо-

гущественной духовной силы, въ качествѣ одного изъ факторовъ всемірно-историческаго процесса. И тѣмъ самымъ она учитъ насъ тому, что тотъ *идеалъ* истины, которому служить философія, есть *реальная* образующая сила. Греческая философія создала ту „эллинскую образованность“, которая стала всемірной образованностью; греческая философія сообщила этой „образованности“ ея запасъ общихъ идей, сдѣлавшихъ ее универсальной; и она впервые формулировала тотъ идеалъ *человѣчества*, всечеловѣческаго братства и *всечеловѣческаго единства*, которому впослѣдствіи христіанство дало религиозную, реально-мистическую основу, а Римъ попытался дать практическое осуществленіе въ всемірномъ государствѣ. Такимъ образомъ „безполезнѣйшая изъ всѣхъ наукъ“ не только открыла челоѣчеству новый міръ духовныхъ цѣнностей, но создала новый міръ общечеловѣческаго просвѣщенія; она возбудила самосознаніе челоѣчества и послужила его духовному объединенію. И естественно, что въ высшемъ ея началѣ, въ началѣ Разума, Слова, христіанство обрѣло формулу для выраженія своего универсальнаго принципа. Исторія показываетъ намъ, что дала философія христіанской мысли, какъ послужила она школой мысли средневѣковой, какъ возродила и обновила она духовныя силы европейскаго челоѣчества, освободивъ его мысль отъ догматическихъ путъ, послѣ того какъ средневѣковое христіанство уклонилось отъ первоначальныхъ чистыхъ нормъ и застыло въ временныхъ, полуязыческихъ формахъ. Великое духовное движеніе, начавшееся съ эпохи возрожденія, не остановилось до нашихъ дней и не остановится, пока челоѣчество будетъ жить и мыслить, пока идеалъ истины будетъ стоять передъ нимъ. И мы видимъ, какъ свѣтлая и образующая сила этого идеала, дѣйствующая черезъ собирательную мысль челоѣчества, проникаетъ все шире и глубже, освѣщая челоѣчку путь изслѣдованія и познанія и путь разумно-нравственной дѣятельности въ области личнаго и общественнаго дѣланія.
